

Леонид Лаврисия

19.11.03

Та или не та?

Патрисия Петибон в Большом

В Бетховенском зале Большого театра прошел первый концерт цикла "Камерные вечера в Большом". В этом году в программе цикла только вокальная музыка: пять вечеров (точнее, четыре, поскольку объявленный в ноябре приезд Веселины Казаровой по неведомым причинам отменился).

Открывать сезон Бетховенского зала приехала Патрисия Петибон — та самая... Та самая, которая семь лет назад дебютировала как моцартовская певица и теперь обитает исключительно среди небожителей. Та самая, которая одну за другой записывает барочные (и не только барочные) оперы с Арнонкурром, Гардинером, Кристи, Минковским и Руссе. Интеллектуалка. Эксперт по французскому музыкальному стилю. Приехала она при поддержке Французского культурного центра в Москве. В программе концерта значились имена Делиба, Массне, Равеля, Пуленка, Шабрие, Сати, Деода де Северака и их менее известных соотечественников. Одним словом, все обещало изысканные удовольствия.

Но это оказалась не совсем та Патрисия Петибон, которая без устали трудится в студиях или выходит на сцену Парижской Оперы в составе блестящего ансамбля. Это была Петибон, предоставленная самой себе и остро жаждущая слушательской любви — немедленно, неумеренно, безоглядно. Это была Петибон, не желавшая лишиться себя хоть капли восхищения, которое должно на нее излиться.

Ну как не любить Патрисию Петибон? Ее юркий голос, ее изумительное произношение, ее точно бьющие в цель жесты, которых никогда не бывает слишком много, ее манеру вплетать в мелодию романса островки Sprechgesang? Весь этот арсенал был с блеском продемонстрирован в первых же номерах, и оставалось только теряться в догадках: куда нас еще заведут, и

П. Петибон

что доведется пережить. А довелось наблюдать героическую борьбу за то, чтобы внимание и любовь публики хоть на секунду ненароком не покинули певицу. Готова поспорить, что они и так ее не покинули бы, даже если бы она вздумала петь одну гамму до-мажор, и все же борьба была бескомпромиссной и беспощадной. На сцену явились верер, кастаньеты, приспособление для воспроизведения лягушачьего кваканья и многометровый канат. От сложных материй, увлекавших романтиков и импрессионистов, мы потихонечку спустились к песенке о маленьком Рене, который с таким упорством ковырял в носу, что нос в конце концов пришлось отрезать. Почти каждый номер завершался кошачьим воплем или истошным визгом. Голос Петибон метался по всему диапазону, взмывая до какой-то нетемперированной высоты между фа и фа-диезом третьей ок-

тавы. Сама она то чихала, то нырала под рояль, изображая погружение в пруд, и от инсценировок скоро перешла к перформансу, сопровождавшемуся конференсом. В качестве статистов участвовали двое мужчин из местных, оба не совсем в своей тарелке. Зато пианистка Сюзан Манюфф приняла участие во всех проказах, не теряя ни достоинства, ни контроля над ситуацией. В конце концов она бросила под ноги сопрано громадного черного паука, чем спровоцировала отчаянный верхний до-диез.

В общем, было весело, динамично и продвинуто. Когда отзвучал последний бис, стало как-то грустно: неужели это и есть та самая Петибон?

Анна БУЛЫЧЕВА
Фото Игоря ЗАХАРКИНА
("Газета")

Культура. — 2003. — 13-19 нояб. — с. 13